

Первая война съ поляками. Польскій королевичъ Владиславъ рѣшилъ отбить силою оружія у Михаила московскую корону. На помощь къ нему пришелъ малороссійскій гетманъ Сагайдачный. Соединившись, они двинулись къ Москвѣ. Царь въ виду приближавшейся большой опасности обратился къ земскому собору, члены собора единодушно дали обѣтъ своему молодому царю крѣпко стоять и биться за православную вѣру и своего царя, «не щадя головъ своихъ». Поляки подступили къ Москвѣ, но всѣ ихъ приступы были отбиты. Тогда Владиславъ отступилъ къ Троицкой Лаврѣ и требовалъ ея сдачи, но также безуспѣшно. Къ тому же наступали сильные морозы, казна поляковъ была пуста, не на что было продолжать войну,— все это побудило Владислава вступить въ переговоры о мирѣ. Въ Москвѣ были рады такому предложенію, и въ селѣ Деулинѣ, около Лавры, заключено было лѣтомъ 1618 года перемиріе на 14½ лѣтъ. За Польшей остались завоеванныя земли съ городомъ Смоленскомъ. Рѣшено было размѣняться плѣнными.

На рѣкѣ Поляновкѣ, около Вязьмы, 1 іюня 1619 года состоялся размѣнъ плѣнныхъ. Построены были два моста: по одному шли въ свой станъ поляки, а по другому — русскіе. Въ обмѣнъ на польскаго полководца Струся русскіе получили родителя своего царя — Филарета Никитича. Переѣхавши мостъ, митрополитъ вышелъ изъ возка, и уполномоченный бояринъ московскаго царя Шереметьевъ обратился къ нему съ рѣчью: «Государь Михаилъ Феодоровичъ велѣлъ тебѣ челомъ ударить, велѣлъ васъ о здравіи спросить, а про свое велѣлъ сказать, что вашими и материнскими молитвами здравствуетъ, только оскорблялся тѣмъ, что вашихъ отеческихъ святительскихъ очей многое время не сподобился видѣть».

Въ числѣ другихъ возвратился изъ польскаго плѣна бояринъ Шеинъ, и къ нему было обращено ласковое слово отъ имени Михаила.

Патріархъ Филаретъ. Въ срединѣ іюня Филаретъ прибылъ въ Москву. Не доѣзжая рѣчки Прѣсни, встрѣтилъ его самъ царь и поклонился отцу въ ноги. Филаретъ сдѣлалъ то же самое предъ сыномъ и царемъ, и долго оба остава-

лись въ этомъ положеніи, не могли ни тронуться ни говорить отъ слезъ радости. Потомъ Филаретъ сѣлъ въ сани, а государь со всѣмъ народомъ шелъ пѣшкомъ впереди.

По смерти Гермогена патриаршій престолъ въ Москвѣ оставался не занятымъ: ждали возвращенія изъ плѣна Филарета. Когда онъ прибылъ, то іерусалимскій патриархъ, пріѣхавшій въ то время въ Москву за милостыней, отъ имени всего духовенства предложилъ Филарету быть патриархомъ, такъ какъ «онъ достоинъ того сана, особенно же потому, что онъ былъ царскій отецъ по плоти, да будетъ царствію помощатель и строитель, сирымъ защитникъ и обидимымъ предстатель». По обычаю Филаретъ долго отказывался, но потомъ согласился, и тотъ же іерусалимскій патриархъ посвятилъ его. Сдѣлавшись всероссійскимъ патриархомъ, Филаретъ вспомнилъ о ветхомъ храмѣ пророка Іліи и тѣсной кельи, гдѣ онъ укрывался отъ Бориса, и повелѣлъ одному иноку основать тамъ, около гор. Лебедяни, монастырь въ честь Пресвятой Троицы въ память избавленія его отъ Бориса и плѣна въ Польшѣ.

По прибытіи на Москву Филаретъ началъ помогать своему сыну въ дѣлахъ правленія. Самъ Михаилъ былъ человѣкъ умный, мягкій, но безхарактерный. Онъ долго находился исключительно подъ вліяніемъ своей матери, суровой инокини Марѣи. Онъ боялся выходить изъ ея воли и въ чемъ-либо противорѣчить ей. Она приблизила къ нему своихъ родственниковъ, бояръ Салтыковыхъ, которые мало занимались дѣлами государства, а все свое вниманіе сосредоточили на томъ, что богатели себя и своихъ родныхъ, земли крали и тѣворили всякую неправду. Царя же «не боянсея, понежѣ дѣтскъ сый». Они даже вторгались въ личную жизнь молодого царя и доставляли ему много огорченій, а именно они разлучили Михаила съ его любимой невѣстой. Дѣло происходило такъ.

Дѣло Хлоповой. Послѣ вѣнчанія на царство, надлежало подумать о женитьбѣ Михаила. Въ 1616 году, когда ему пошелъ 20-ый годъ, мать благословила его на это доброе дѣло. Для выбора невѣсты государю, по установившемуся обычаю, были собраны во дворецъ всѣ красавицы дворянскаго со-

словія. Царь выбралъ въ невѣсты дочь московскаго дворянина Марію Иванову Хлопову. Государеву невѣсту помѣстили во дворцѣ въ верхнихъ хоромахъ, въ теремѣ; нарекли ее царевной, а имя ей дали Настасья, вѣроятно, въ память царской бабки Анастасіи Романовны, и на Москвѣ и во всѣхъ русскихъ городахъ за нее молились, поминая на ектеньяхъ. Все шло благополучно, безъ помѣхи. Невѣста чувствовала себя вполне здоровой, кушала царскія сладкія яства, веселилась новою жизнью и ожидаемымъ счастьемъ, которое должно было возвысить и весь ея родъ.

Вешній выѣздъ царицы.

Шварца.

Изъ родныхъ царицы выдвинулся ея дядя Гавріиль Васильевичъ Хлоповъ, человекъ умный, прямой и стойкій. Конечно, это не могло нравиться Салтыковымъ. Къ тому же Хлоповъ однажды обличилъ передъ царемъ Салтыкова въ хвастовствѣ. Съ тѣхъ поръ Салтыковъ не взлюбилъ Хлопова, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшена была участь царской невѣсты.

Недѣли двѣ спустя послѣ ссоры Салтыкова и Хлопова, нареченная царица начала недомогать, появилась болѣзнь,

«рвало и ломало нутрь и опухоль была». Родные думали, что это случилось отъ сладкихъ ядей. Доложили объ этомъ Михаилу и матери его. Царь очень встревожился и поручилъ Салтыкову пригласить къ больной нѣмецкаго доктора. Докторъ не нашель у Маріи какой-либо опасной болѣзни. Тогда Салтыковъ призвалъ къ Маріи еще лѣкаря, который тоже не призналъ въ ней никакой болѣзни. Все это, однако, нисколько не помѣшало Салтыкову заявить царю, что «дохтуры болѣзни ея смотрѣли и говорили, что въ ней болѣзнь великая, излѣчить ее невозможно и живота (жизни) ей долго не чаять; что такую болѣзнью была больна на Угличѣ жонка и жила всего съ годъ и умерла; и дохтуръ сказываетъ, что Марію излѣчить нельзя».

Трудно было Михаилу узнать всю правду, тѣмъ болѣе, что и мать его Марѳа стала говорить противъ невѣсты. Дѣло было доведено до свѣдѣнія боярскаго думы, т.е. собранія бояръ. На этомъ соборѣ, или, какъ тогда говорили, «думскомъ сидѣніи», Гавріилъ Хлоповъ просилъ, «чтобы еще не спѣшили сводить Марію съ Верху (т.е. изъ дворца), потому что въ ней болѣзнь объявилась невеликая, отъ сладкихъ ядей, да и та ужъ минуется». Но его слова были напрасны. Противъ нея была Марѳа, и этого достаточно: нареченную царевну «сослали съ Верху». 10 дней она прожила у своей тетки, будучи совершенно здорова, а послѣ этого ее, разлучивъ съ родителями, въ сопровожденіи бабки, тетки и двухъ дядей сослали въ Тобольскъ. Михаилъ очень тосковалъ по своей невѣстѣ, такъ какъ очень полюбилъ ее. Мать хотѣла, чтобы онъ выбралъ другую невѣсту, но онъ отказывался, сказавъ, что женится, когда вернется изъ плѣна Филаретъ.

Филаретъ вернулся. Вѣроятно, царь подѣлился съ отцомъ своимъ горемъ. Филаретъ занялся этимъ дѣломъ серьезно. Марію Хлопову повелѣно было перевезти въ Нижній-Новгородъ.

Пріѣзжалъ въ Москву духовникъ Маріи и рассказалъ патриарху, что причащалъ и исповѣдывалъ ее много разъ, но болѣзни въ ней не замѣчалъ и не слыхалъ отъ другихъ, чтобы она больна была, хотя часто бывалъ у нихъ

въ домѣ. То же подтвердили и другія допрошенныя лица. Тогда Филарету стали ясны козни Салтыкова, и они были высланы изъ Москвы въ свои вотчины. Дѣло о женитьбѣ на Хлоповой казалось было уже рѣшено между отцомъ и сыномъ. Но здѣсь стала на дорогѣ мать, царица Марѳа: она лишала своего сына благословенія, если онъ женится на Хлоповой. Пришлось покориться волѣ суровой родительницы и отказаться окончательно отъ нареченной невѣсты.

Прошелъ еще годъ послѣ этого, когда царь склонился на увѣщанія матери: 29 лѣтъ отроду женился на дѣвицѣ Евдокии Стрѣшневой.

Итакъ, Филаретъ сталъ наравнѣ съ сыномъ управлять царствомъ. Всѣ дѣла сынъ рѣшалъ вмѣстѣ съ отцомъ, вмѣстѣ они принимали и иностранныхъ пословъ, и на грамотахъ стояла подпись царя и святѣйшаго патріарха. Филаретъ старался завести порядокъ. Имъ было обращено вниманіе на сборъ податей.

Сношенія съ Западной Европой. При Михаилѣ возобновились сношенія съ иностранными государствами — Голландіей, Англійей, Франціей и Персіей. Персидскій шахъ и англійскій король помогали московскому царю въ борьбѣ съ Польшей.

Иностранныя купцы получали право привозить въ Россію товары и торговать ими беспошлинно. Въ Россіи они покупали, главнымъ образомъ, хлѣбъ. Русскіе купцы были недовольны, что иностранцамъ давались льготы въ торговлѣ и часто хлопотали объ удаленіи ихъ изъ внутреннихъ городовъ государства. Расположеніемъ русскихъ пользовались иностранные мастера, отъ которыхъ русскіе могли научиться мастерствамъ. Московское правительство хлопотало о вывозѣ изъ-за границы искусныхъ «рудознатцевъ», которые могли бы открыть золотую и серебряную руду и дорогими металлами пополнить истощенную царскую казну. Многіе иностранцы брались за это дѣло, но поиски оказывались безуспѣшными. Зато удавалось находить желѣзо. Добывали его, главнымъ образомъ, около Тулы. Уже въ то время Тула была извѣстна приготовленіемъ оружія.

Въ царствованіе Михаила одна иностранная компанія основала близъ Тулы желѣзодѣлательный и пушечный заводъ. Выписаны были золотыхъ дѣлъ мастера, колокольные мастера (отлить колоколъ Реутъ въ 2.000 пуд., теперь находящійся на колокольнѣ Ивана Великаго), живописцы, водяного взвода мастера, т.-е. люди, опытные въ устройствѣ водопроводовъ. Одинъ шведскій каменщикъ началъ строить каменный мостъ черезъ Москву - рѣку.

При дворѣ царя Михаила находились и органнаго дѣла мастера, выѣхавшіе изъ Голландіи; привезли они съ собою стрементъ (инструментъ) на органное дѣло; стрементъ этотъ они въ Москвѣ додѣлали, устроили около него станокъ съ рѣзью и расцвѣтили краскою и золотомъ, на стрементѣ сдѣлали соловья и кукушку съ голосами; когда заиграютъ органы, обѣ птицы запоютъ сами собою; за такое мудрое дѣло мастера получили отъ царя награду 2.676 рублей денегъ, по сороку соболей и имѣли столъ бесплатный.

Неудачи, которыя терпѣло русское войско при встрѣчѣ съ войсками шведскими и польскими, убѣдили московское правительство въ необходимости перестроить свое войско по образцу иноземному. Русскіе хорошо защищались въ крѣпостяхъ, но коль скоро выходили въ открытое поле, то, представляя изъ себя беспорядочную толпу, терпѣли поражение. Поэтому стали приглашать иностранцевъ на русскую службу для обученія войска.

Въ царствованіе Михаила въ Москвѣ жило до 1.000 протестантскихъ семействъ. Имъ отведено было особое мѣсто для житія — между Фроловскими и Покровскими воротами.

Путешествіе Олеарія. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (въ 1634 и 1636 гг.) московское государство посѣтилъ знаменитый голштинскій ученый Адамъ Олеарій. Свои впечатлѣнія во время путешествія въ Москву онъ изложилъ въ обширномъ сочиненіи со многими рисунками. Олеарій подробно описываетъ страну и бытъ народа. Олеарій находитъ русскій народъ умнымъ и ловкимъ въ дѣлахъ, но очень лживымъ и грубымъ. Богатые и знатные люди вели роскошный образъ

жизни. Они имѣли много холоповъ и держали большое количество лошадей (отъ 30 до 60); часто давали большіе пиры, на которыхъ подавалось множество блюдъ и напитковъ. Изъ русскихъ обычаевъ Олеарій упоминаетъ о слѣдующемъ: за 8 дней до Рождества Христова и до Крещенія по улицамъ бѣгаютъ люди съ огнемъ, при чемъ они прохожимъ зажигали бороды и особенно приставали къ крестьянамъ. На глазахъ Олеарія они зажгли мужику возъ съ сѣномъ, и когда тотъ сталъ имъ сопротивляться, они сожгли ему бороду и волосы на головѣ. Ихъ называли халдѣями, потому что они изображали тѣхъ служителей царя Новуходносора, которые разжигали печь Вавилонскую, чтобъ сжечь трехъ отроковъ. Въ Крещеніе ихъ окунали въ прорубь и тѣмъ очищали отъ халдѣйства. Патріархъ Филаретъ запретилъ этотъ дикій обычай. Олеарій удивляется дешевизнѣ сѣбѣтныхъ припасовъ въ Московской области: курица стоила 2 коп., десять яицъ 1 коп., но зато деньги стоили дороже.

Улицы въ Москвѣ широкія и посерединѣ устланы круглыми бревнами, положенными другъ подлѣ друга. Земля въ московскомъ государствѣ очень плодородная. Разводятъ фруктовые сады, но красивыхъ садовыхъ цвѣтовъ въ Москвѣ нѣтъ. При Михаилѣ выписаны были изъ-за границы розы. Нѣмецкіе купцы развели спаржу и салатъ; русскіе сначала смѣялись надъ нѣмцами, что ѣдятъ сырую траву, но потомъ нѣкоторые и сами стали употреблять ихъ въ пищу.

Вторая война съ Польшей. Обучая русское войско нѣмецкому строю, усиливая сборъ денегъ въ государственную казну, московское правительство питало надежду покончить свои счеты съ Польшей — взять у поляковъ Смоленскъ и другія завоеванныя ими области. Поляки не признавали Михаила московскимъ царемъ, польскій королевичъ Владиславъ все еще мечталъ царить на Москвѣ. Когда умеръ польскій король Сигизмундъ, русскіе рѣшили воспользоваться переходнымъ временемъ въ Польшѣ, и московскіе полки — русскіе и наемные иностранные — двинулись въ походъ противъ поляковъ. Начальство было поручено Шеину.

какъ боярину, прославившемуся въ смутное время при осадѣ Смоленска. Прежде военачальникомъ назначали того, кто знатнѣе родомъ, не обращая вниманія на его дарованія. При назначеніи Шеина царь поступилъ не обычно: назначилъ человѣка не столь знатнаго, сколько опытнаго въ ратномъ дѣлѣ. Бояринъ Шейнъ это сознавалъ и, прощаясь съ царемъ, дѣлуя его руку, указалъ на свои заслуги отечеству не въ примѣръ прочимъ боярамъ, которые въ трудное для отечества время «за печью сидѣли и сыскать ихъ было нельзя». Эти слова раздражили бояръ, и они до времени загладили злобу противъ Шеина.

Въ 1632 году московскіе полки двинулись въ походъ. Сначала дѣла Шеина шли удачно. Онъ бралъ одинъ городъ за другимъ и осадилъ Смоленскъ. Жители Смоленска, томимые голодомъ, готовы были сдаться, но въ это время явился къ нимъ на выручку Владиславъ, только что избранный на польскій престолъ. Одновременно въ станъ Шеина пришло извѣстіе, что крымскіе татары, старинные враги русскихъ, вторгнулись въ южныя области. Украинскіе воины, получивъ такое извѣстіе, уѣхали отъ Шеина спасать свои семьи и имущество отъ татаръ. Шейнъ вынужденъ былъ отступить отъ Смоленска и засѣсть въ окопахъ, окруживъ себя обозомъ. Поляки появились уже въ тылу у Шеина и взяли городъ Дорогобужъ. Наступили холода, ощущался недостатокъ въ пищѣ. Отъ холода и голода въ русскомъ станѣ открылась сильная смертность. Иностранные полковники не хотѣли повиноваться Шеину, между собой ссорились. Всѣ эти неурядицы подорвали у Шеина увѣренность въ успѣхѣ прорваться сквозь строй поляковъ, поэтому онъ вошелъ съ Владиславомъ въ мирные переговоры и согласился сдать ему большую часть своихъ пушекъ и обозъ. Русскіе вышли изъ своихъ окоповъ; проходя мимо польскаго короля, они преклоняли передъ нимъ знамена. Русскія войска пошли въ Москву.

Въ Москвѣ надъ Шейнымъ былъ назначенъ судъ изъ бояръ. Теперь бояре могли отомстить Шеину за его слова, сказанныя при прощаніи съ царемъ. Неудачи Шеина затмили его прежнія заслуги; заступиться за него было не-

кому: патриархъ Филаретъ умеръ (1633 г.)— онъ не выдалъ бы своего сострадальца по польскому плѣну людямъ, которые «за печью сидѣли». Шеина осудили какъ измѣнника и приговорили къ смерти. Между тѣмъ къ Москвѣ шелъ Владиславъ. Войско его гибло отъ холода и голода.

Подъ городомъ Бѣлымъ оно потерпѣло неудачу. А съ другой стороны приходили вѣсти, что турецкое войско приближается къ границамъ Польши. Теперь Владиславъ заговорилъ о мирѣ, и онъ былъ заключенъ на р. Поляновѣ въ 1634 году. По этому миру Владиславъ отказался отъ московскаго престола, но Смоленскъ остался за поляками, кромѣ того, русскіе заплатили полякамъ 20.000 рублей денегъ. По просьбѣ Михаила Владиславъ выдалъ гробъ съ тѣломъ умершаго въ польскомъ плѣну царя Василя Шуйскаго. Его принесли торжественно въ Москву и похоронили въ Архангельскомъ соборѣ.

Кончина царя Михаила. Неудачи преслѣдовали Михаила не только въ дѣлахъ управленія государствомъ, но и въ его частной жизни. Онъ хотѣлъ выдать замужъ свою старшую дочь Ирину за датскаго королевича, но тотъ отказался отъ этого брака, не желая мѣнять вѣры. Въ 1639 году въ теченіе трехъ мѣсяцевъ царь потерялъ двухъ сыновей, Ивана и Василя. Неудача въ устройствѣ судьбы дочери, смерть сыновей нанесли тяжелый ударъ мягкому по природѣ царю Михаилу. Онъ сталъ часто прихварывать. 1645 года 12 іюля, въ день своихъ именинъ, царь пошелъ къ заутренѣ. Въ церкви съ нимъ сдѣлался припадокъ. Его унесли въ хоромы. Къ вечеру болѣзнь усилилась. Царь велѣлъ призвать царицу и сына, 16-лѣтняго царевича Алексея, съ дядькой его, бояриномъ Морозовымъ, и патриарха, простился съ женой, сына благословилъ на царство. При этомъ онъ сказалъ Морозову: «Тебѣ, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и работалъ съ великимъ веселіемъ и радостію, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся о его здоровьи и наученіи страху Божію и соблюдалъ его, какъ зѣницу ока, такъ и теперь служи». Ночью, пріобщившись св. тайнъ, царь Михаилъ скончался.